

О СТИШНОМ ПРОЛОГЕ И ЗАДАЧАХ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности Стишного Пролога как памятника церковнославянской письменности и определяются задачи его изучения.

Ключевые слова: Стишной Пролог, памятники письменности, церковнославянский язык.

Одним из богатых источников по истории церковнославянского языка является Стишной Пролог (СП) – памятник, переведенный с греческого языка, бытовавший на Руси с XIV по XVII в. и распространенный в большом количестве списков разной временной и территориальной локализации.

В данной статье мы ставим перед собой следующие задачи: 1) представить общий хронологический обзор литературы о СП; 2) на основании этого установить степень изученности проблем, связанных с СП; 3) определить направление будущих научных исследований.

СП был переведен с греческого в XIV в. Принято считать, что автором стихов был Христофор Митиленский, и тогда, судя по времени его жизни (1000–1050 гг.), первый СП на греческом языке должен быть отнесен ко 2-й половине XI в. – впервые высказал это мнение архимандрит Сергей [1901. С. 330]. Перевод СП на славянский, по мнению многих исследователей, был осуществлен в XIV в. [Сергий, архим., 1901; Фет, 1980; Жуковская, 1983]. «Стишным» Пролог назывался потому, что его жития предварялись краткими стихами в честь святых, в которых означался род смерти мученика или толковалось его имя.

СП, так же как и Пролог, ведет свое происхождение от византийских месяцесловов, или синаксарей (греч. συναξάριον ‘сборник’). Название «Пролог» (вместо греческого «Синаксарь») употреблялось только на Руси. Считается, что свое название этот па-

мятник получил по ошибке, когда славянский переводчик принял название предисловия (греч. πρόλογος ‘пролог’) за название всей книги. Первоначально СП был богослужебным сборником, его тексты читались на утренней службе в церкви. В связи с этим существует другая версия происхождения названия «Пролог»: «на христианском Востоке “прологом” считалось вступительное к богослужению чтение» [Из Пролога, 1999. С. 389]. Впоследствии СП стал четвым сборником и использовался на Руси в качестве книги для назидательного чтения в монастырях и в домашнем кругу. О популярности и авторитетности СП свидетельствует количество сохранившихся памятников. Списков СП сентябрьской половины известно более 60, списков мартовской половины – около 40. В дальнейшем СП послужил основой печатного Пролога.

Все тексты в СП распределялись по дням древнерусского года с 1 сентября по 31 августа, при этом содержание чтений распадалось на 2 части: так называемые «памятийную» и «нравоучительную».

Памятийная часть включала Памяти византийским, инославянским и древнерусским святым, а также праздникам и различным датам в истории христианства, отрывки из житий христианских святых. В отличие от более обширных текстов житий Минеи Четких житийные тексты СП небольшого размера, что, несомненно, связано с первоначальным богослужебным характером сборника.

Нравоучительная часть содержала сказания, нравоучительные повести и слова отцов Церкви. Появление этой части произошло уже на древнерусской почве. В греческом Синаксаре, как и в южнославянском СП, такой традиции не было. Обычно статьи нравоучительной части представляли собой отрывки из переводной житийно-повествовательной литературы. В ней можно встретить Слова от бесед св. отца Зосимы, Слова Григория Беседовника (Богослова) и Слова от патерика, Слова св. Ефрема, Слова Иоанна Златоустого, Слова от Лимониса и др. Иногда древнерусские книжники составляли и собственные произведения на морально-этические темы. Мнение Л. П. Жуковской о Прологе можно в полной мере отнести и к СП: «Пролог и в истоках, и в своей многовековой эволюции был связан почти со всем объемом письменности: с литературой, обслуживающей нужды церкви, с собственно повествовательной литературой, с “учительной” и с конкретными сборниками “устойчивого содержания” типа “Златоуста”» [Жуковская, 1983. С. 111].

Несмотря на то, что по сути своей русский СП является произведением переводным, стоит отметить, что и древнерусские книжники привнесли в его состав много нового, того, чего не было в греческом Стишном Синаксаре. Вследствие этого русский СП можно рассматривать как произведение в большей степени оригинальное, лишь основанное на переводном памятнике. Древнерусские книжники даже создавали стихи к памятям славянских святых.

СП до сих пор не изучался отдельно от нестишного (за исключением наших работ [Злыгостьева, 1993; 1996; 1997; 2000; Щеглова, 2008; 2009а; 2009б] и работ болгарского литературоведа Г. Петкова [1990; 1999; 2000]). Почти все исследователи, обращавшиеся к изучению Пролога, так или иначе упоминали и о СП, высказывая некоторые верные предположения относительно его истории, но все эти догадки и замечания были сделаны без обращения к источникам, к тексту самого СП.

Одним из первых обратился к Прологу и определил его ценность В. М. Ундольский. Он писал: «Пролог – книга всего чаще употребляемая во всем Греко-Русском христианском мире и всего менее исследованная нашими учеными, между тем содержащая множество истинных драгоценностей и для

духовного и для светского ученого, не только в рукописях, но и в печатных изданиях» [1846. С. 81]. В. М. Ундольскому было еще неизвестно, кто и когда составил Пролог, тем не менее ученый заметил, что первоначально Пролог содержал только краткие памяти святым, впоследствии же пополнился «поучительными словами и выписками из патериков». Он же разделил «славянские Прологи на три разряда: 1, краткие без поучений и других прибавочных статей; они редки...; 2, со вставочными статьями и со стихами перед каждым днем года; и 3, со вставочными статьями, но без стихов. Второго разряда Прологи довольно редки, а последнего всего чаще встречаются» [Там же. С. 82–83].

Начиная с XIX в., ученые разных стран рассматривали вопросы возникновения и распространения Пролога [Сергий, архиеп., 1875; Петухов, 1894; Сперанский, 1914; Mošin, 1959; Фет, 1980], его содержания и языка, исследовали источники нравоучительной части, издавали оригинальные славянские сочинения в его составе, предпринимали попытки издания отдельных списков Пролога. Достаточно подробный обзор литературы о Прологе, сделанный Е. А. Фет, представлен в ее статье «Словаря книжников и книжности Древней Руси» [Пролог, 1987]. С тех пор появилось много новых исследований Пролога в разных аспектах. Их характеристику можно найти в монографии М. В. Чистяковой «Текстология вильнюсских рукописных Прологов: сентябрь – ноябрь» [2008. С. 24–26]. Следует отметить, что, исследуя списки Пролога из библиотечных собраний Литвы, автор вводит в научный оборот также и рукописные списки СП, созданные в Великом княжестве Литовском, определяет их состав, языковые особенности, текстологические источники.

Наиболее крупное исследование Пролога в дореволюционной России было предпринято архиепископом Сергием в книге «Полный месяцеслов Востока», впервые вышедшей в 1875 г. [Сергий, архиеп., 1875], второе издание, уточненное и дополненное, опубликовано в 1901 г. [Сергий, архим., 1901]. Особый раздел в книге Сергия посвящен СП. Автор пишет об их отличительных особенностях: «1) ...сии прологи несравненно богаче памятями и сказаниями, чем месяцеслов Василия и обе его редакции, чем Прологи Петров и Кларомонтанский; 2) язык

этих сказаний более искусствен, чем в месяцеслове Василия и обеих его редакциях; 3) сказания очень неравномерны: одни очень кратки, другие очень велики, так что походят на жития, есть между ними и средние; 4) при каждой почти памяти находятся или два стиха ямбические или три стиха – два ямбические и один героический, три стиха находятся при первом святом дня; 5) в некоторые дни находятся после сказаний нравственные повести» [Там же. С. 323].

Исследователь полагает, что составитель СП имел под рукой различные виды Прологов, в том числе Петров, Кларомонтанский и месяцеслов Василия, из которого были прямо взяты некоторые сказания. Вероятно, что создатель СП и сам составил некоторые жития, особенно пространные. Несомненно, что он имел «синаксари другие и другого рода», в которых означался род смерти мучеников, поскольку в СП имеются памяти такого вида, тогда как в известных прологах «род смерти мучеников, о коих нет сказаний, не означается» [Там же. С. 324]. Сергей пишет о существовании двух редакций греческого Стишного Синаксаря: краткой и пространной. «Возможно, автором краткой редакции, возникшей не ранее 1 пол. XII в., является Маврикий, дьякон Великой Церкви в Константинополе» [Там же. С. 326]. Само содержание СП указывает на независимость автора от главных центров иноческой жизни. «В дальнейшем, видимо в XIII–XIV вв., СП был приведен в соответствие с иерусалимским уставом» [Там же. С. 329]. Первых, переведенных на славянский язык в XIV в., Стишных Прологов сохранилось очень немного. Сергию были известны список 1370 г. сербского извода, отрывок XIV в. болгарского извода и один русский список до XV в. из собрания Чудовского монастыря.

Е. В. Петухов, обращаясь к истории древнерусского Пролога, отмечал: «Позднее обыкновенного Пролога в греческой церкви получил существование стишной Пролог... По содержанию он находится в несомненной связи с обыкновенным Прологом императора Василия и происшедшими от него редакциями, но с прибавлениями многих памятей и сказаний; в изложении его замечается более искусственности» [1894. С. 5]. По мнению Е. В. Петухова, Стишной Пролог составлен не ранее 2-й половины XII и не позднее начала XIII в. Более пространная

редакция греческого СП явилась не ранее XIII и не позднее XIV в. «Стишной Пролог греческий повел за собою существование СП славянского» [Там же].

В 1914 г. выходит «История древней русской литературы» М. Сперанского [1914], в которой среди пособий «церковно-исторического и в то же время учительного характера» автор рассматривает Пролог. Остановившись на особенностях СП по сравнению с простым, автор пишет: «Стишной отличается от простого и редакциями отдельных житий, и самим составом всего памятника... сверх того, при каждом житии... помещается стих – два-три, чаще всего ямбических (в греческом) стиха, содержащих характеристику святого, чаще всего, в виде истолкования его имени» [Там же. С. 197]. По мнению Сперанского, СП «...явился в Византии довольно поздно, около XII–XIII в., и вскоре был переведен на болгарский (вероятно, в эпоху Ефимия), быстро вытеснил старый “простой” на юге славянства, а в XV в. явился и у нас, но здесь он застал уже ставший популярным и осложнившийся старый Пролог “простой”; поэтому в русской письменности он заменить собой старого Пролога не мог, а стал лишь источником для дополнения, расширения этого русского Пролога и в отдельных русских списках встречался редко» [Там же].

А. И. Яцимирский впервые указал на существование двух переводов СП: болгарского и сербского [1916].

О СП делали замечания и советские ученые, исследовавшие Пролог простой. Так, в статье «Славяно-русские Прологи» Н. Д. Бубнов характеризует СП как особый вид Пролога, кратко останавливаясь на уже известных его отличительных особенностях и времени его перевода на славянский. Автор также не совсем справедливо, по нашему мнению, утверждал, что «СП редакций не имеет» [1973. С. 283].

Е. А. Фет, приводя данные, свидетельствующие о существовании 3-й редакции Пролога, появившейся в Пскове в XV в., сделала несколько замечаний относительно СП: «Наряду с обыкновенным... Прологом на Руси обращался Стишной Пролог, имевший независимое происхождение (история его до сих пор не исследована). Он был принесен в конце XIV в. из Сербии, переписывался на Руси в нескольких редакциях и был использован при составлении

первого Печатного Пролога 1641 г.» [1980. С. 55].

Л. П. Жуковская осуществила лингвотекстологическое исследование более 380 списков Пролога (в том числе 66 списков СП) сентябрьской половины, результаты которого были изложены в ее докладе на IX Международном съезде славистов. В частности, ею было выделено 3 редакции СП сентябрьской половины: Стиховая, Неопределенная и собственно Стишная [1983. С. 110–120]. В целом ряде более поздних работ, обращаясь к Прологу и СП, Л. П. Жуковская решала на их материале многие проблемы истории русского литературного языка. В частности, проблемы второго южнославянского влияния [1982а; 1982б; 1982в], грецизации и архаизации русского письма в XVI в. [1987].

А. А. Турилов обратился к СП в связи с изучением оригинальных южнославянских сочинений в русской книжности XV–XVI вв. По его мнению, СП был привезен на Русь митрополитом Киприаном, который способствовал введению Иерусалимского устава. На материале СП исследователь решал вопросы времени появления и степени распространения болгарской и сербской агиографии на Руси [1978. С. 39–50]. А. А. Турилов также отметил, что присоединение к СП учительной части происходило на Руси в течение XV–XVI вв. неоднократно [2006. С. 73], это подтверждается и нашими исследованиями [Злыгостьева, 2000; Щеглова, 2009].

В своем диссертационном исследовании [Злыгостьева, 1993], проанализировав состав 30 списков СП мартовской половины года, мы пришли к следующим выводам: мартовские списки СП появились в Древней Руси в XV в. в результате переработки южнославянских списков. Списки весеннего полугодия существовали на Руси, по крайней мере, в 5 группах (редакциях). Они сформировались в результате целенаправленной редакторской деятельности уже при освоении южнославянского СП в XV в., который сразу же был дополнен на русской почве нравоучительной частью. Наиболее распространенной была Хутынская редакция. Текстологические особенности и лексические разночтения подтверждают выделение 5 групп СП мартовской половины. Развитие лексического состава СП происходило под влиянием двух факторов: а) посте-

пенного изменения языка СП в результате рукописного бытования (многократного переписывания) сборника; б) целенаправленного редактирования языка и стиля СП.

В наши дни наиболее значительное исследование СП предпринято болгарским ученым Г. Петковым. Основные результаты его деятельности изложены в монографии «Стишният Пролог в старат българска, сръбска и руска литература (XIV–XV век)» [2000]. В ней автор рассматривает археографические, текстологические и литературно-исторические проблемы Стишного Пролога. Определяя СП как памятник многосложной историей, Г. Петков в первую очередь обращается к вопросам возникновения и распространения СП на фоне трех старославянских рукописных традиций – болгарской, сербской и русской. Он выделяет четыре редакции болгарского перевода: тырновскую, лукиеву, московскую и новгородскую; сербский перевод представлен в монографии варлаамовой редакцией [Там же. С. 46–47]. Исследователем выявлен годовой состав СП при сравнительном изучении 15 болгарских, сербских и русских рукописей, возникших между 40–50-ми гг. XIV в. и 70–80-ми гг. XV в. Отдельная глава монографии посвящена анализу литературных особенностей самих проложных стихов – характеристике их структуры, состава, предназначения, связи с церковным уставом, а также их роли в истории эпиграмматической поэзии, определения места проложных стихов в жанровой системе староболгарской литературы. Болгарский ученый опровергает до сих пор существовавшее мнение, что Пролог Простой (нестишной) и Пролог Стишной – это две разновидности одного памятника – Пролога, и отличие между этими разновидностями только в наличии или отсутствии предваряющего проложную статью двустишия, освещающего тему этой статьи. Исследование Г. Петкова свидетельствует о том, что Пролог и СП – это разные памятники и по времени возникновения, и по особенностям бытования в славянской литературе, и по своим структурным признакам, хотя нельзя не отметить одинаковый календарный принцип их составления.

Таким образом, обзор научной литературы показал, что в предшествующих исследованиях определена история перевода СП на церковнославянский язык через посред-

ство южнославянских списков, выявлены редакции ранних, XV–XVI вв., списков, описан состав СП зимнего полугодия, выявлены источники нравоучительной части чтений осенних месяцев. Следует отметить, что исследователи сходятся во мнении, что СП – это самостоятельный памятник письменности древней и средневековой Руси, имеющий свою собственную историю, которая требует дальнейшего более глубокого изучения. В частности, необходимо более точно определить время и места перевода СП на церковнославянский язык древнерусского извода, места переработки его древнерусскими книжниками, выявить источники его нравоучительной части, сопоставить с греческим оригиналом и южнославянскими списками. Для того чтобы написать историю СП на Руси, необходимо выявление и обобщенное исследование всех сохранившихся списков СП, в частности, необходимо дальнейшее изучение состава и текстологических особенностей СП мартовской половины года.

СП интересен и в лингвистическом отношении: сравнение одинаковых текстов, относящихся к разному времени, позволило бы судить о развитии церковнославянского языка с XIV по XVII в., изучение оригинальных древнерусских произведений в составе СП могло бы способствовать решению проблемы формирования лексического состава русского литературного языка и истории его грамматических категорий. Исследование истории СП на основе всех сохранившихся списков СП в их полном объеме могло бы привести к критическому изданию текста этого памятника.

Список литературы

- Бубнов Н. Ю.* Славяно-русские прологи // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 274–296.
- Жуковская Л. П.* К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность (Житие Анисьи по спискам 1282–1632 гг.) // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982а. С. 277–287.
- Жуковская Л. П.* О втором южнославянском влиянии // Die slawischen Sprachen. Wien, 1982b. S.131–144.
- Жуковская Л. П.* О южнославянском влиянии XIV–XV вв. (на материале проложного Жития Евгении) // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982в. С. 26–59.
- Жуковская Л. П.* Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога // Славянское языкознание. IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делег. М., 1983. С. 110–120.
- Жуковская Л. П.* Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV – 1-й пол. XVI в. (об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 144–176.
- Злыгостьева О. Г. (Щеглова)* Лингвотекстологическое исследование списков Стишного Пролога XV–XVII веков (на материале оригинальных русских майских чтений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1993. 24 с.
- Злыгостьева О. Г. (Щеглова)* Стишной Пролог из собрания СО РАН // Русская книга в дореволюционной Сибири. Археография книжных памятников / Под ред. Е. И. Дергачевой-Скоп, В. Н. Алексева. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1996. С.51–88.
- Злыгостьева О. Г. (Щеглова)* Предварительные сведения о составе Стишного Пролога // Книга и литература / Под ред. В. Н. Алексева. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1997. С.91–105.
- Злыгостьева О. Г. (Щеглова)* История русского перевода Стишного Пролога // Verbum. Вып. 3: Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в России (материалы междунар. конф., 26–30 сентября 2000 г., Санкт-Петербург). Альманах Центра изучения средневековой культуры при философском факультете С.-Петерб. гос. ун-та. СПб.: Изд-во С.-Петерб. филос. об-ва, 2000. С. 27–41.
- Из Пролога // Библиотека литературы Древней Руси: В 12 т. / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 2: XI–XII вв. С. 388–405.
- Петухов Е. В.* Материалы и заметки по истории древнерусской письменности. К истории древнерусского Пролога. Киев, 1894. Т. 1. С. 1–31.
- Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси XI – первая половина XIV в. Л., 1987. Вып. 1. С. 376–381.

Сергий, архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1875. Т. 1.

Сергий, архим. Полный месяцеслов Востока. Изд. 2-е. Владимир, 1901. Т. 1. С. 277–340.

Сперанский М. Н. История древней русской литературы: Моногр. М., 1914. С. 197–486.

Темчин С. Ю. Почему древнеславянский календарный сборник кратких житий был назван Прологом (об одном палеославянском недоразумении) // Славяноведение. 2001. № 2. С. 3–21.

Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV–XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 39–50.

Турилов А. А. К истории Стишного Пролога на Руси. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 70–75.

Ундольский В. М. Библиографические разыскания по случаю выхода описания Библиотеки имп. Московского общества истории и древностей Российских, составл. П. М. Строевым... // Московитянин. 1846. № 11–12. 206 с.

Фет Е. А. Новые факты к истории древнерусского Пролога // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 53–71.

Чистякова М. В. Текстология вильнюсских рукописных Прологов: сентябрь – ноябрь: Моногр. Вильнюс, 2008. 478 с.

Щеглова О. Г. О составе мартовских чтений южнославянских списков Стишного Пролога // Тέχνη γραμματικῆ (Искусство грамматики) / Новосиб. гос. ун-т; Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского. Новосибирск, 2008. Вып. 3. С. 542–585.

Щеглова О. Г. Стишной Пролог как тип древнерусского сборника // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы IV Межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2009а. С. 119–122.

Щеглова О. Г. Лингвотекстологическое исследование списков Стишного Пролога // Новое в славянской филологии: Сб. ст. / Под ред. М. В. Пименовой. Серия «Славянский мир». Севастополь: Рибэст, 2009б. Вып. 4. С. 115–129.

Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам // Изв. Отд. рус. яз. и словесности Императорской Академии наук. 1916. № 1. С. 41–42.

Петков Г. Из историята на Стишния пролог // Научни трудове на Пловдивски университет «Паисий Хилендарский». 1990. Т. 28. Кн. 1.

Петков Г. Търновската редакция на Стишния пролог за зимното полугодие по най-старите преписи от Троицко-Сергиевата лавра (№ 717 и № 720) // Търновска книжовна школа. 1999. Кн. 6.

Петков Г. Стишният Пролог в старат българска, сръбска и руска литература (XIV–XV век). Археография, текстология и издание на проложните стихове. Пловдив, 2000. 560 с.

Mošin V. Slavenska redakcija prologa Konstantina Mokisijskogu svetlosti visantijsko-slovenskih odnosa XII–XIII vijeka // Zbornik Historijskog instituta Jugoslovenske akademije. 1959. Vol. 2. P. 17–68.

Материал поступил в редколлегию 12.01.2011

O. G. Scheglova

ABOUT STISHNOI PROLOG AND TASKS OF ITS STUDY

In the article features of Stishnoi Prolog as a monument of Church Slavonic Literature and the tasks of its study regarded.

Keywords: Stishnoi Prolog, monuments of writing, Church Slavonic language.